

КАТОЛИЧЕСКИЕ СВЯЩЕННИКИ НА СОЛОВКАХ

Осенью 1924 года на Соловки прибыла небольшая группа русских католиков: бывший редактор русского католического журнала "Слово Истины" Владимир Балашев¹, две сестры-монахини Абрикосовской общины Анна Серебренникова², Тамара Сапожникова³ и настоятель московского прихода отец Николай Александров⁴, который сначала был сторожем на остров Конд, а летом 1925 года — переведен на центральный остров в Кремль, где работал инженером эксплуатационно-коммерческого отдела, а позднее — помощником заведующего электростанцией. В ноябре 1925 года из Орловского изолятора на Соловки были переведены также сестры-монахини Елизавета Вахевич⁵ и Елена Нефедьева⁶, а также будущий священник Донат Новицкий⁷.

С первых же дней пребывания в лагере отец Николай стал добиваться разрешения проводить службы в единственной действующей на Соловках, маленькой, запущенной Германовской часовне, хотя бы в воскресные и праздничные дни; после неоднократных посещений начальника административной части, долгих и сложных переговоров он сумел получить право совершения католиками религиозных обрядов. А летом 1926 года на Соловки прибыл первый латинский священник, витебский декан Леонард

¹ **Балашев** Владимир Васильевич, родился в 1880 в Пермской губ. В 1900 — окончил реальное училище, в 1909 — Технологический институт в Петербурге, работал там инженером. В 1909 — перешел в католичество, вошел в общину русских католиков; с 1913 — редактор журнала "Слово Истины". С конца 1918 — работал экспертом в Комитете ВСНХ. Вступил в Третий орден Св. Доминика. 16 ноября 1923 — арестован по групповому делу. 19 мая 1924 — приговорен к 10 годам тюрьмы и отправлен в Соловецкий лагерь.

² **Серебрянникова** Анна Спиридоновна, родилась в 1890 в Саратове. Имела неоконченное высшее образование, работала сельской учительницей. Перешла в католичество, вступила в Абрикосовскую общину, позднее приняла монашеский постриг с именем Имельда. 26 ноября 1923 — арестована по групповому делу русских католиков. 19 мая 1924 — приговорена к 8 годам тюремного заключения и отправлена в Соловецкий лагерь.

³ **Сапожникова** Тамара Аркадьевна, родилась в 1886 в Подольске. Получила среднее образование. Приняла католичество, позднее вступила в Третий орден Св. Доминика; входила в Абрикосовскую общину. 26 ноября 1923 — арестована в Москве по групповому делу. 19 мая 1924 — приговорена к 10 годам тюрьмы и отправлена в Соловецкий лагерь.

⁴ **Александров** Николай (Петр) Николаевич, родился в 1884 в Москве. Окончил техническое училище в Москве. С 1912 — инженер в фирме Сименс-Шуккерт в Германии, там же принял католичество. В июле 1913 — вернулся в Москву работал в Городской управе, с 1917 — инженер в Главопе. Вступил в Абрикосовскую общину, принял монашеский постриг с именем Петр. В августе 1921 — рукоположен в священники, заместитель экзарха, с сентября 1922 — во главе прихода. 12 ноября 1923 — арестован по групповому делу, 19 мая 1924 — приговорен к 10 годам тюрьмы и отправлен в Соловецкий лагерь.

⁵ **Вахевич** Елизавета Васильевна, родилась в 1885 в Москве. Получила неоконченное высшее образование. Проживала в Москве, вступила в Абрикосовскую общину, позднее пострижена в монахини с именем Доминика; преподавала в нелегальной школе прихода. 10 марта 1924 — арестована по групповому делу. 19 мая 1924 — приговорена к 5 годам и отправлена в Орловскую тюрьму. 25 ноября 1925 — переведена в Соловецкий лагерь.

⁶ **Нефедьева** Елена Михайловна, родилась в 1870 в Псковской губ. Окончила гимназию в Пскове. В 1921 — перешла в католичество, прихожанка общины русских католиков в Петрограде. 5 декабря 1923 — арестована по групповому делу. 19 мая 1924 — приговорена к 5 годам ИТЛ и отправлена в Орловскую тюрьму, с ноября 1925 — в Соловецком лагере.

⁷ **Новицкий** Донат Гильярдович, родился в 1893 в Москве. Учился в университетах, с 1916 — учился в духовной семинарии в Петрограде. С 1916 — служил в царской армии, до 1921 — оставался на военной службе, после демобилизации служил в Москве. В 1922 — вошел в Абрикосовскую общину русских католиков. 16 ноября 1923 — арестован по групповому делу. 19 мая 1924 — приговорен к 10 годам тюремного заключения и 13 июня отправлен в Орловскую тюрьму; в сентябре 1925 — вывезен в Соловецкий лагерь.

Барановский⁸. Отбыв карантин, отец Леонард поселился в одной комнате с русскими католиками.

В октябре 1926 года в Соловецкий лагерь был доставлен экзарх русских католиков Леонид Федоров⁹. Следует отметить, что взаимоотношения священников Католической и Православной Церквей были всегда натянутыми. Отец Леонид хорошо понимал, *«как болезненно ощущает православное духовенство все то, что приходит к нему с латинской стороны под видом высокомерного презрения»*, но при этом не забывал, *«сколько оснований имеется у польского клира для жалоб на такое же высокомерие со стороны еще недавно "господствующей" Церкви»*¹⁰.

Для православной России он видел только один путь, который в будущем позволил бы православным, не отрекаясь от своих корней, воссоединиться с Римом, и, по его убеждению, *«только те, которые делаются католиками восточного обряда, являются "настоящим семенем" будущего единения»*¹¹. Отец Леонид прекрасно понимал, насколько это будет для них *«тяжкий подвиг под градом насмешек и укоризн как со стороны православных, так и со стороны своих братьев-латинян»*. И только его убежденность, что *«мало-помалу самим своим существованием они открывают русским людям глаза на вселенский дух Католической Церкви»*, давала силы и веру его последователям.

История взаимоотношений русских католиков с польскими священниками и до революции складывалась непросто: во-первых, активное неприятие их "государственной" Православной Церковью, отсутствие своих храмов, и невозможность официального статуса для их главы, экзарха русских католиков, и во-вторых, проведение служб по православному обряду — все это давали возможность польским священникам при переходе православных в католическую веру указывать на "восточников" как на сектантов, "полусхизматиков", а на восточный обряд — как на временное зло.

После революции отношение польского духовенства к православному клиру и русским католикам резко ухудшилось. Постоянно сталкиваясь с польскими священниками на церковных службах в храмах Петрограда, отец Леонид в начале 1922 года предупреждал отца Владимира Абрикосова о

⁸ **Барановский** Леонард Николаевич, родился в 1875 в Витебской губ. Окончил духовную семинарию и академию в Петербурге, в 1900 — рукоположен. Служил викарием прихода в Орле, с 1902 — в Санкт-Петербурге, с 1904 — в Смоленске, с 1909 — декан Полоцкий, с 1914 — в Казани, с 1915 — в Витебске. В 1919-1922 — арестовывался как заложник, вскоре освобождался. В июне 1925 — арестован по обвинению «в шпионаже». 26 июня 1925 — приговорен к 3 годам ИТЛ и летом отправлен в Соловецкий лагерь.

⁹ **Федоров** Леонид Иванович, родился в 1879 в Петербурге. Окончил гимназию, позднее учился в православной духовной академии. Заинтересовался католичеством, выехал во Львов, затем в Рим; 31 июля 1902 — воссоединился там с Католической Церковью. В 1907 — окончил Папскую иезуитскую коллегию, позднее учился в Коллегии при Конгрегации. Окончил университет во Фрейбурге, вернулся во Львов. С 1909 — ректор и профессор духовной семинарии ордена студитов. 25 марта 1911 — рукоположен, в 1912 — служил в монастыре студитов. В 1914 — вернулся в Петербург; выслан властями в Тобольск. В 1917 — вернулся в Петроград, служил настоятелем церкви русских католиков, позднее — экзарх католиков восточного обряда. 23 февраля 1923 — арестован по групповому делу. 21-26 марта 1923 — приговорен к 10 годам тюрьмы. Наказание отбывал в Москве. 26 апреля 1926 — освобожден досрочно с ограничением, жил в Калуге. 10 августа 1926 — арестован, 18 сентября приговорен к 3 годам ИТЛ и отправлен в Соловецкий лагерь.

¹⁰ Кузьмин-Караваев Д. Воспоминания об Экзархе. Рукопись. С. 2 // Архив Медонского Центра русских исследований. Ф. 6.

¹¹ Здесь и далее — Волконский П.М. Экзарх Леонид Федоров. Рукопись. С. 9 // Архив Медонского Центра русских исследований. Ф. 6.

серьезной опасности облатинивания православных верующих в России, так как, по его мнению, поляки убеждены, что «Россия погибает, она уже не государство, она потеряла свой национальный облик <...> Православная Церковь тоже развалилась, и не к кому обращаться с предложением соединения <...> Энергичной сатанинской работе большевиков можно противопоставить только католичество латинского обряда, как неизбежно более энергичное, подвижное и бодрое, нежели католичество восточное <...> Русский человек может сделаться настоящим католиком только тогда, когда примет латинский обряд, так как только этот обряд <...> может преобразовать его ум и сердце»¹².

Однако массовые аресты польского духовенства, невозможность для Ватикана защитить католических иерархов в России от осуждений и расстрелов, но главное — общность судьбы священнослужителей изменили отношения православных и католиков в лагере. Именно отец Леонид, по воспоминаниям священников, стал на Соловках «примером никогда его не оставляющего духовного оптимизма, хорошего настроения, сердечности, готовности услужить в каждый момент всем и каждому»¹³. Его твердое убеждение, что «все католики без изъятия, латиняне или восточники, высокомерны они или нет, суть братья по вере», положило начало близким и душевным отношениям между польскими и русскими католиками.

О взглядах отца Леонида на объединение церквей в то время вспоминал позднее епископ Болеслав Слоскан¹⁴, вывезенный вместе с другими на штрафную командировку "Троицкая" на острове Анзер:

«Отец Экзарх в Соловецкие годы своей жизни не говорил о каком-то массовом, всеобъемлющем воссоединении православной России с Апостольским Престолом. Он, кажется, не верил в легкое воссоединение даже в случае падения советской власти <...> Он знал, какое неправильное представление о Католической Церкви было в огромной массе православного духовенства. Поэтому он утверждал, что, по-человечески говоря, потребуется известный период времени для ознакомления православной России с подлинным католичеством, с вселенским католичеством <...> Отец Экзарх ясно представлял себе и повторял это нашим собратьям, что воссоединение православной России под сенью Святого Апостольского Престола есть дело абсолютно сверхприродного порядка, и, как таковое, по его убеждению, оно без мученичества, без самого настоящего мученичества, невысказано».

Осужденные католические священники прибывали по этапу со всех уголков страны в Соловецкий лагерь. Летом 1928 года сюда был доставлен и последний оставшийся на свободе священник русских католиков Потапий Емельянов. Переход отца Потапия и его прихожан в селе Нижняя Богдановка Луганского района Донецкого области из православия в католичество восточного обряда был столь необычен, что об этом надо рассказать подробнее.

Православный монах Почаевской Лавры Потапий в 1910 году был послан своим архиепископом на пастырские курсы в Житомир, где

¹² Письмо Л.Федорова В.Абрикосову от 13 декабря 1922 года. С. 2 // Там же.

¹³ Здесь и далее — Слоскан Б. Воспоминания об Экзархе Федорове. С. 4 // Там же.

¹⁴ **Слоскан** Болеслав Бернардович, родился 1893 в Витебской губ. В 1916 — окончил духовную семинарию Петрограде, в 1917 — рукоположен. Учился в духовной академии, с 1919 — викарий в Петрограде и области. С 9 июня 1924 — викарий в Москве; с сентября в Витебске, с 1925 — в Ленинграде; 4 мая 1926 — тайно хиротонисан во епископы, 12 августа 1926 — назначен Апостольским администратором Могилева, позднее — и Минска. 17 сентября 1927 — арестован. 13 января 1928 — приговорен к 3 годам ИТЛ без применения амнистии и 13 февраля 1928 — отправлен в Соловецкий лагерь.

неожиданно увлекся *«писаниями свв. Отцов Церкви и историей вселенских соборов. Там его поразили больше всего святоотеческие свидетельства, говорящие в пользу главенства Римского епископа. Так, постепенно, молодой Потапий проникся идеей воссоединения с Римом <...> В своей жизни Потапий не встречался до этого времени ни с одним католиком; поэтому не могло быть речи ни о каком католическом влиянии на него со стороны»*¹⁵.

В 1911 году он был рукоположен в православные священники, по окончании курсов он остался в Почаевской Лавре на положении иеромонаха. В марте 1917 года его направили служить настоятелем в приход Нижняя Богдановка на Украине, где он сразу же завоевал горячие симпатии всего населения, так как *«богдановцы были очень набожны, любили длинную уставную службу и проповеди»*. Отец Потапий был хорошим проповедником и умел увлекать народ *«своими яркими, содержательными и всем понятными проповедями»*, причем в них *«он сразу же начал подготавливать своих прихожан к воссоединению с Римом»*. Народ успел уже настолько полюбить отца Потапия *«за бескорыстную и самоотверженную пасторскую деятельность, за его благолепную, строго уставную службу, что ему не стоило большого труда овладеть умами и душами прихожан»*. После года такой апостольской деятельности отец Потапий добился того, что в июне 1918 года *«его прихожане постановили воссоединиться с Римом»*.

Летом 1917 года отец Потапий объявил своей пастве об учреждении в мае этого года Российского экзархата восточного обряда. Прихожане, с восторгом принявшие эту весть, составили договор, которым уполномочили своего пастыря совершить акт перехода в Католическую Церковь. В июне 1918 года отец Потапий встретился в Петрограде с экзархом русских католиков Леонидом Федоровым, и 9 июня тот принял его в лоно Католической Церкви, дав на первое время необходимые указания. Через месяц с лишним отец Потапий благополучно добрался до Нижней Богдановки, подробно рассказав там о встрече с экзархом, об этом позднее он вспоминал: *«Когда я вернулся в приход с католическим благословением экзарха, грамотой и посланием и прочитал его после молебного пения, то духовной радости и слезам умиления не было границ, ибо послание было преисполнено самой горячей отеческой любви и назидания»*.

6 октября 1918 года отец Потапий встретился с митрополитом Андреем Шептицким и получил от него грамоту, в которой тот провозглашал: *«Желая удовлетворить все духовные нужды наших верных на Украине, в силу власти, данной нам святым Апостольским Престолом, поручаем Вам настоятельство в приходе села Богдановка и даем Вам всю власть, необходимую для этой работы. Да благословит Бог Вас и Ваши труды»*¹⁶.

Во время гражданской войны, когда власть на местах менялась, как в калейдоскопе, отношение к жителям Нижней Богдановки было практически одинаковым: при гетмане Скоропадском прихожан за переход в католичество пороли нагайками, а отца Потапия вместе с членами приходского совета арестовывали и зверски избивали в тюрьме; при белых отец Потапий дважды сидел в тюрьме и только чудом избежал расстрела. Когда же в декабре 1919 года он наконец вернулся в родное село, то радости его прихожан не было границ — *«явление мое показалось им словно воскресение из мертвых, слезы радости текли неудержимо. Все*

¹⁵ Здесь и далее — Василий, диакон ЧСВ. Указ. соч. С.104-107.

¹⁶ Следственное дело П.А.Емельянова // Архив ЦГАОО Украины.

старые и малые старались как бы осязанием убедиться, что я действительно жив, ибо их давно уверили, что я не существую»¹⁷.

С установлением советской власти положение отца Потапия и его прихода поначалу как будто улучшилось. Решением Народного комиссариата юстиции от 3 мая 1922 года общине богдановских католиков, в которой к тому времени числилось 828 прихожан, была даже передана действующая церковь. Однако в дальнейшем богдановцы-католики разделили участь всех верующих в России.

В конце 1924 года отец Потапий познакомился с католическим священником, настоятелем прихода в Макеевке Донецкой области отцом Эженом Неве, и они стали большими друзьями. После тайного посвящения отца Эжена Неве в епископский сан и перевода его в сентябре 1926 года в Москву в качестве настоятеля храма Св. Людовика они стали постоянно переписываться.

Как посольский священник епископ Пий Неве не мог быть арестован, но в письмах к отцу Потапию, беспокоясь о его судьбе, старался быть предельно осторожным и при отправке писем пользовался только оказией. И не напрасно, так как как к отцу Потапию, так и к самому епископу был приставлен уже не один "добровольный помощник" чекистов, например, один из "добровольцев" осенью 1926 года доносил, что *«Емельянов тесно связан с епископом Неве, который занимался и занимается экономическим шпионажем и теснейшим образом связан с французским посольством в Москве. По заданиям Неве Емельянов различными способами старается проповедовать унию и католизировать православных. Под этим флагом Емельянов занимается антисоветской агитацией и разлагает крестьян»¹⁸.*

7 января 1927 года отец Потапий был арестован. При обыске у него изъяли письма епископа Пия Неве, многие строки которых стали *«доказательством его вины»*. Например, следствием были выделены следующие строки из письма епископа: *«Этим Папа доказывает свое внимание к русскому народу, свое миролюбие и желание, чтобы не было причин для недоразумений. Надо быть махровым глупцом, чтобы не понять этого <...> Пусть все усердно молятся за меня, дабы Господь дал мне разумение и силу! Всего лучшего, дорогой Отец Потапий, посылаю от сердца архипастырское благословение Вам, всем знакомым, когда-то посетившим меня <...> Преданный Вам П.»*.

Главным преступлением, вменяемым в вину отцу Потапию на следствии, стало получение денег от епископа, и в материалах дела есть показания о том, что *«Потапий Емельянов раздачей денег крестьянам в виде пособий преследовал цель улучшить быт и благосостояние крестьянства, уплачивать за них налоги и иные платежи государству»*. Материальная помощь верующим была представлена чекистами как контрреволюционная акция, так как, по показаниям "свидетелей", *«за переход в католичество Емельянов обещал и раздавал денежные ссуды, покупал одежду и обувь, и хозяйственный инвентарь»*. И хотя католическая община богдановцев возникла и была зарегистрирована еще в 1918 году, когда отец Потапий не был знаком с епископом Неве, нашлось несколько крестьян, которые подтвердили версию обвинения о исключительно корыстных побуждениях перехода верующих в католичество.

20 августа 1927 года отцу Потапию было предъявлено «Обвинительное заключение», в котором значилось, что он *«распускал слухи о скором падении советской власти и о том, что коммунисты занимаются*

¹⁷ Василий, диакон ЧСВ. Указ. соч. С.112.

¹⁸ Здесь и далее — Следственное дело П. Емельянова // Архив ЦГАОО Украины.

грабежами. Всячески старался дискредитировать в глазах населения синодальную Церковь, чтобы склонить верующих к переходу в католичество». Одно из обвинений — «распространение секретных инструкций из Ватикана» относилось к посещению отцом Потапием по просьбе Пия Неве епископа Александра Фризона в Крыму, о чем он показал на допросе: *«Неве рассказал мне о своем посвящении [новых] епископов, попросив это сохранить в тайне, и в заключение предложил отвезти пакет к епископу Фризону в Крым, пояснив, что меня менее опасно и подозрительно использовать для этой цели, так как за католическими священниками следят органы власти»*.

12 сентября 1927 года отец Потапий был приговорен к 10 годам концлагеря¹⁹, а 4 марта этот приговор был еще более ужесточен — *«амнистии в отношении ЕМЕЛЬЯНОВА Потапия Андреевича НЕ ПРИМЕНЯТЬ»*.

На Соловках отец Потапий, сердечно встреченный экзархом Леонидом Федоровым и русскими католиками, очень скоро подружился с польскими священниками, и для некоторых из них он позднее станет надеждой и опорой. 23 сентября 1928 года в Соловецкий лагерь была доставлена из Бутырской тюрьмы новая партия осужденных польских священников, среди которых был и отец Феликс Любчинский. Его трагический путь к лагерной Голгофе настолько характерен для судьбы любого католического священника в послереволюционные годы на Украине, что о нем следует рассказать подробнее.

* * *

Гражданская война на Украине. Непрерывно меняющаяся власть — белые, красные, зеленые... Бесконечные убийства, грабежи и погромы. Потоками льется кровь невинных людей. И постоянный, изматывающий душу страх — и белые, и красные, запугивая население, первым делом брали заложников. Именно в эти годы отец Феликс Любчинский, настоятель католического прихода в селе Кушелевка Гайсинского уезда Подольской губернии, пришел к твердому убеждению, что *«человек, лишаясь веры, лишается одновременно и нравственности, превращаясь в дикого зверя. Все без исключения насильники, независимо от того, как они себя называли, имели одну философию: "Бога нет, следовательно, все можно, все дозволено"»*²⁰.

Но у каждой власти были свои пристрастия. После очередного возвращения Красной Армии и установления советской власти на Украине арестовывали в основном польских священников: либо их брали в качестве заложников, либо обвиняли в шпионаже. Не миновала эта участь и отца Феликса. В 1920 году при отступлении польской армии с Украины многие католические священники бежали в Польшу. Тогда же отец Феликс обратился к своему епископу с просьбой о разрешении вернуться на родину, объяснив, что *«большинство прихожан уехало с поляками, и я остался пастырем без паствы»*. Однако епископ дал указание отцу Феликсу продолжить священнослужение в своем приходе, хотя оставаться здесь ему было опасно, и об этом его предупреждали поляки.

Сразу же после установления советской власти отец Феликс привлек внимание органов ГПУ — в сентябре 1920 года он был арестован *«по подозрению в шпионаже, но после ходатайства прихожан был освобожден»*. В октябре того же года вновь арестован *«по подозрению в*

¹⁹ По Постановлению Коллегии ОГПУ.

²⁰ Здесь и далее выдержки из: Следственное дело Ф.Н. Любчинского // Архив ЦГАОО Украины.

подготовке восстания против советской власти». Позднее с помощью прихожан выяснилось, что это восстание «вспыхнуло во время его первого ареста», благодаря их защите отец Феликс вновь был освобожден. В 1921 году он опять был арестован по обвинению «в контрреволюции», и его последующее освобождение было связано уже с амнистией.

В конце 1922 года предсказания поляков сбылись самым страшным образом — однажды, когда он поехал для совершения пасторских треб в другой приход, где не было настоятеля, бандиты напали на его дом и «не только разграбили его имущество, но и варварски дико поубивали одного за другим всех членов его семьи и даже слугу. Отца ксендза Феликса бандиты порезали на части и бросили вместе с другими трупами в колодезь»²¹.

Отец Феликс сразу же назвал милиции предполагаемых убийц, но виновники преступления почему-то найдены не были, хотя и не скрывались, а позднее следователь поставит ему в вину то, что он «бросает обвинение в этом нападении и убийстве на червонных казаков, накануне квартировавших в его доме, а ответственность за это убийство сваливает огульно на Советскую власть в целом»²² (хотя у него, насмотревшегося на массовые бессудные расстрелы и всеобщее озверение, основания для таких обвинений были). После этой страшной трагедии отец Феликс не мог больше оставаться в Кушелевке и вскоре был переведен в Каменец–Подольский настоятелем кафедрального собора Иоанна Предтечи.

В августе 1923 года отец Феликс был вновь арестован по подозрению в «нелегальном преподавании катехизиса», но через шесть недель освобожден из тюрьмы под денежный залог, а позднее суд оправдал его «за отсутствием доказательств». Но чекисты продолжали вести за ним постоянное наблюдение, о чем свидетельствует "Меморандум по делу ксендза Любчинского", сохранившийся в его следственном деле. Приведем выдержки из этого документа, составленного по донесениям "добровольных помощников" ГПУ, поступавшим с 1923 по 1927 год:

«В своей первой проповеди ксендз ЛЮБЧИНСКИЙ публично с амвона сказал: "Я двум богам, т<о> е<сть> Богу и советской власти, служить не буду" <...> На исповедях советует прихожанам-крестьянам уклоняться от выполнения обязанностей, налагаемых большевиками, и сказанное им передавать другим. За ним укрепилась слава смелого, решительного человека, ненавидящего Советскую власть и не боящегося ничего <...> 6 июня 1924 года, во время служения в кафедральном соборе, в своей проповеди по вопросу о религии, он снова поносил Советскую власть, показывая собравшимся прихожанам никчемность власти, ее временное укрепление, а также абсурд, который творят большевики в деле отделения церкви от государства. Доказывал, что вера и Бог есть и будет.

6-го августа 1925 года, идя с крестным ходом, по всему пути следования враждебно отзывался о Советской власти, называя большевиков "псами" и другими словами <...> 2 сентября в кафедральном соборе говорил: "Мы живем в дикой стране <...> Революция ничего народу не дала <...> Не верьте большевикам. Вы только камень в спину получите"».

²¹ Новицкий Д. Москва и Соловки. Рукопись. С. 42 // Архив Медонского Центра русских исследований.

²² Здесь и далее выдержки из: Следственное дело Ф.Н. Любчинского // Архив ЦГАОО Украины.

13 апреля 1927 года отец Феликс был арестован, а обнаруженные при обыске конспекты многочисленных проповедей стали основанием для обвинения его «в антисоветской агитации», хотя следователем и было отмечено, что «само содержание проповедей преимущественно облечено в осторожную и иносказательную форму, иногда же с резкими, недвусмысленными антисоветскими выпадами».

Для дальнейшего следствия отец Феликс был отправлен в Москву и помещен в Бутырскую тюрьму. Допросы продолжались больше года, и только 5 апреля 1928 года ему было предъявлено "Обвинительное заключение", в котором среди прочего значилось — «в период времени с 1920 г<ода> по апрель 1927 г<ода> систематически произносил в костелах с амвона перед многочисленными прихожанами резко антисоветские и контрреволюционные проповеди, в которых проводил влияние польской буржуазной государственности, т<о> е<сть> оказывал содействие польской части международной буржуазии, занимался агитацией и пропагандой, направленной к подрыву и ослаблению Советской власти с использованием для этой цели религиозных и национальных предрассудков масс, направленной к возбуждению национальной и религиозной вражды и розни».

Ознакомившись с "Обвинительным заключением", отец Феликс объявил голодовку протеста, о чем в материалах следствия есть соответствующий акт, подписанный начальником Бутырской тюрьмы: «Сообщается для сведения, что заключенный, числящийся за Вами, ЛЮБЧИНСКИЙ Ф. Н. с 11.6.28 объявил голодовку, требуя вызова прокурора»²³. Очевидно, свидание с прокурором состоялось, так как с 14 июня, согласно второму акту, голодовка была прекращена.

А 21 августа 1928 года Феликс Николаевич Любчинский был приговорен к «заключению в концлагерь, сроком на ДЕСЯТЬ лет»²⁴. Его сокамерники-священники позднее вспоминали, что «на ксендза Феликса очень подействовало объявление ему совершенно беспочвенного обвинения и осуждения на 10 лет лагеря. После подписания этого приговора он так расплакался в камере, что долго не мог прийти в себя»²⁵.

3 августа 1928 года Феликс Любчинский с большой группой священников был отправлен по этапу в лагерь, в его "Открытом листе осужденного" значилось: «Пересылается — г<ород> Кемь. В распоряжение — УСЛОН ОГПУ. Надзор — на общих основаниях. Заключение врача — следовать по этапу может. Приметы — Лет 41. Брови темно-русые. Рост выше среднего. Нос обыкновенный. Цвет волос темно-русый»²⁶.

* * *

В июне 1929 года в Макеевке была арестована бывшая экономка Станислава Панкевич и шофер Сергей Клочков, работавшие ранее у отца Эжена Неве, настоятеля прихода до перевода его в Москву и хиротонии в сан епископа. На допросах чекисты добивались от них показаний, что епископ Пий Неве использовал их в качестве «агентов контрреволюции», но сломить арестованных следствию не удалось. Когда епископ узнал о том, что обвиняемые были приговорены к заключению в лагерь и отправлены на Соловки, он был потрясен такой несправедливостью и хотел писать Сталину, но в посольстве его убедили в бессмысленности подобного шага.

²³ Личное дело Ф.Н. Любчинского // Архив УНКВД Петрозаводска.

²⁴ По Постановлению Коллегии ОГПУ.

²⁵ Новицкий Д. Там же. С. 42.

²⁶ Личное дело Ф.Н. Любчинского // Там же.

Тогда он направил докладную записку послу Франции, в которой писал: *«Нас считают шпионами, мы приносим горе нашим друзьям. Все те, кто имел с нами дело, осуждены. И если мы еще не в тюрьме, то только потому, что это может вызвать большой дипломатический скандал между Францией и Советами: со всех сторон нас травят, даже в нашей церкви»*²⁷.

* * *

А на воле к тому времени обстановка накалялась. Переговоры в Берлине между советским правительством и Ватиканом окончательно зашли в тупик. Ватикан не мог больше не протестовать против усиливающихся в СССР гонений на католиков, против групповых процессов, жестоких приговоров, ужасающего положения заключенных-католиков в Соловецком лагере. 8 сентября 1928 года Папа Римский объявил молитвенный крестовый поход в защиту всех верующих России, а 9 февраля 1929 года было опубликовано его послание "С требованием предоставления священных прав, жестоко попираемых на территории России"²⁸, которое заканчивалось объявлением церемонии искупления и призывом ко всему христианскому миру присоединиться к этой молитве. 19 марта 1929 года Папа Римский при огромном стечении народа отслужил мессу о страданиях верующих и прекращении их преследований в России.

Все эти действия Ватикана были оценены советским правительством как вмешательство во внутренние дела СССР. Призыв же Папы Римского ко всем странам мира прервать экономические и дипломатические связи с Россией до тех пор, пока там не изменится отношение к религии, только ухудшил положение российских католиков вообще, а в лагерях — особенно. Сказалось это и на соловчанах, и прежде всего в том, что в начале 1929 года католикам запретили посещать Германовскую часовню. Официально запрет, естественно, был обоснован внутренними причинами — *«в наказание за состоявшиеся там тайные посвящения священников и неумеренное пользование ею»*. Уже этот шаг лагерного начальства вызвал немалые сложности, так как священники и верующие потеряли возможность исповедаться и причащаться. Но это был лишь первый шаг.

С 19 января 1929 года для католиков наступило в полном смысле слова "катакомбное" существование: в результате многочасового обыска, целью которого было положить конец тайным богослужениям, чекисты изъяли все религиозные книги и церковную утварь. Теперь каждому верующему католику предстояло самому искать выход из положения. Однако, и это было еще не все из того, что уготовили им соловецкие чекисты.

Самым тяжелым ударом для католиков стал их перевод в марте 1929 года в 13-ю роту, где в одном большом помещении содержались сотни заключенных, в том числе и уголовники. Так лагерное начальство пыталось сломить дух пастырей. Однако документы свидетельствуют, что и в этих условиях богослужения католиков продолжались: в канцелярии лыжно-мебельной матерской, комнате при дезинфекционной камере, на мельнице, в подвале машинного отделения, — кому, где и как удавалось найти случайное помещение.

А в июне большая часть священников была изолирована на штрафной командировке "Троицкая" на острове Анзер. Тут уместно вернуться к отцу Феликсу, о поведении которого в лагере свидетельствуют подшитые в его

²⁷ Wenger A. Rome et Moscou, 1900—1950. Paris, 1987. Перевод. Машинопись. С. 293.

²⁸ Там же. С. 270.

личном деле характеристики — из числа тех, что систематически составлялись начальниками лагерных командировок на каждого заключенного. Приведем выдержки из них:

«10.02.30 — Анзер. Не признает лагерного распорядка. Придерживается религиозных убеждений <...> 10.11.30 — Анзер. Признаков исправления не имеется. В настоящее время отношение к труду неудовлетворительное. Вполне сознательно и продуманно совершает преступления <...> 18.11.30 — 4 отделение. Идеино выдержанный и упорный враг всего советского. Заслуживает строгой изоляции <...> 30.07.31 — 14 отделение. Сомнителен к исправлению»²⁹.

О душевной стойкости о.Феликса читаем также и в воспоминаниях сокамерника, близкого друга его, отца Доната Новицкого: *«Я, зная близко ксендза Феликса, не могу сказать, что когда-либо видел на нем следы душевных переживаний, которые так ранят и подкашивают тонкую натуру интеллигента. Он был в высокой степени жизнерадостный и уравновешенный, благородный и чуткий человек. Он умел благородно возмутиться, наблюдая несправедливые проявления. Если случались в нашей семье какие-нибудь недо-разумения, он живо реагировал на них и решительно и прямо говорил свое мнение. Мы даже называли его нашим прокурором»³⁰.*

На острове Анзер католических священников поселили в отдельном бараке, и даже на работах исключалось любое их общение с другими заключенными. Двадцать три священника находились в комнате размером 3-4 метра длины и около двух метров ширины: при этом часть спала на полу, а часть — на нарах, на высоте около метра от пола.

При активном участии епископа Болеслава Слоскана была организована католическая коммуна, которая морально и материально поддерживала своих членов, при этом деньги и продуктовые посылки, получаемые с материка, объединялись в общий фонд, и каждый член получал одинаковую долю. В коммуну входили как латиняне, так и католики восточного, грузинского и армянского обряда. Несмотря на неоднократные обыски, пастыри умудрились сохранить необходимое для службы облачение, иконы, утварь и богослужебные книги, а вино и облатки получали в посылках. По воскресеньям и праздничным дням все не работали, заранее поставив в известность лагерное начальство и обрабатывая заданную работу в другое время. Сначала служили в лесу на камнях, позднее — на чердаке бывшей монастырской спасательной станции, об этом подробно рассказал позднее в своих воспоминаниях отец Донат Новицкий.

* * *

Позднее все вновь прибывшие в лагерь католические священники сразу же направлялись на Анзер, они-то и привезли сюда взволновавшую всех заключенных весть о ведущихся между СССР и Польшей переговорах по поводу возможного обмена заключенными. У отбывающих наказание на Соловках польских священников появилась надежда вернуться на родину. Долгое и тревожное ожидание результатов переговоров, суливших возможное освобождение, очевидно, сказалось на душевном состоянии отца Феликса, о чем вспоминал позднее отец Донат Новицкий: *«Нельзя было не заметить, что ксендза Феликса все же очень тяготило заключение, и он с некоторым нескрываемым нетерпением ожидал обмена заключенных между Польшей и СССР. Переговоры об обмене, как мы точно знали,*

²⁹ Личное дело Ф.Н. Любчинского // Архив УМВД Республики Карелия.

³⁰ Здесь и далее — Новицкий Д. Указ. соч. С. 42-43.

начались в самом начале 1929 года. В числе кандидатов на обмен был и ксендз Феликс. Многие томительно ожидали счастливой возможности <...> Но уже в 1930 году ксендз Феликс стал терять надежду на освобождение».

Первые и неожиданные для окружающих симптомы болезни отца Феликса появились в августе 1931 года — «наступило состояние тихой меланхолии, появилась забывчивость. С этого времени он стал избегать общества, даже тяготился самыми простыми разговорами <...> Большею частью ксендз Феликс или лежал, или одиноко бродил по вересковым лугам».

Администрации лагеря, однако, не было дела до болезни заключенного, его продолжали назначать на тяжелые работы. Друзья же, стараясь облегчить его участь, выполняли за него работу, а позднее им удалось добиться, чтобы медицинская комиссия освободила отца Феликса от тяжелых работ. Со временем даже легкую работу по хозяйству отец Феликс выполнять не мог, и сокамерники стали делать ее за него. Только в конце октября 1931 года больного поместили в лазарет, и появилась некоторая надежда, что его вылечат.

В это время в больнице находился на операции отец Потапий Емельянов. «Если бы не вмешательство о<тца> Потапия, положение больного стало бы поистине ужасным. На несчастье ксендза Феликса его санитар вел себя с ним очень грубо и отказывал ему в элементарных услугах. Для наибольшего облегчения положения бедного больного собрата о. Потапий добился своего перевода в палату ксендза Феликса и, как мать, ухаживал за больным».

Однако состояние отца Феликса ухудшалось с каждым днем. Благодаря настойчивости отца Потапия врач наконец поставил диагноз больному, который был неутешителен — «воспаление передней части мозга»³¹. Отец Феликс был обречен, так как на серьезное лечение и специальный уход за больным на Соловках надежды не было. Отец Потапий был прекрасным рассказчиком и собеседником, и постоянными разговорами немало утешал больного, скрасив этим его последние дни. Позднее, увидев, что «близится конец его земной жизни, отец Потапий напомнил ему об исповеди. Больной был глубоко счастлив этой трогательной заботой отца Потапия и после исповеди целовал его руки, не выпуская их из своих»³².

Смерть наступила 17 ноября 1931 года в 13 часов 10 минут, о чем был составлен акт, и сейчас хранящийся в "Личном деле заключенного". Друзья сделали все возможное и невозможное для того, чтобы достойно похоронить покойного: «Зная, что усопшего сразу же заберут в покойницкую, как только узнают о смерти, отец Потапий сразу же после смерти ксендза Феликса совершил над ним обряд отпевания, который он прекрасно знал наизусть».

В силу удивительного совпадения обстоятельств в Кремль³³ именно в это время соловецким начальством были вызваны священники Павел Ашеберг³⁴,

³¹ Личное дело Ф.Н. Любчинского // Архив УМВД Республики Карелия.

³² Здесь и далее — Новицкий Д. Указ. соч. С. 44.

³³ Кремлем назывался центральный остров Соловецкого архипела.

³⁴ **Ашеберг** Павел Петрович, родился в 1895 в Одесской губ. В 1918 — окончил духовную семинарию в Одессе, в 1919 — рукоположен. Служил настоятелем прихода там. В 1925 — арестован и выслан на 2 года; в 1927 — освобожден. Служил в приходе села Ямбург, затем в Одессе. В начале января 1929 — арестован, 24 января приговорен к 3 годам ИТЛ и после отказа в обмене отправлен в Соловецкий лагерь

Викентий Дейнис³⁵ и Донат Новицкий, который писал позднее, что это стало *«простым, но сильным и таким убедительным для нас, узников, доказательством участия Божьего в малых и важных обстоятельствах нашей жизни»*³⁶. Благодаря знакомствам, они *«прошли уже после вскрытия покойника в мертвецкую, помолились у гроба, благословили и собственноручно заколотили крышку гроба»*. Отец Донат вспоминал позднее, что никогда не забывал выражения лица отца Феликса в гробу — *«на лице его была легкая улыбка. Это не фантазия. Он как бы благодарил нас за заботы и, прежде всего, за исповедь, отпевание и столу»*.

Друзья отца Феликса совершили настоящий подвиг, одарив его душевным теплом в последние дни жизни, достойно подготовив к последнему пути и похоронив по христианскому обряду. Это был действительно подвиг, ибо на Соловках было нелегко похоронить умершего не только по-христиански, но и просто по-человечески.

* * *

В 1932 году органы ГПУ начали подготовку следующего группового процесса над католическим духовенством Украины. Участники *«фашистской контрреволюционной организации римско-католического и униатского духовенства на Правобережной Украине»* обвинялись уже в замыслах отторжения Советской Украины от СССР и в националистической деятельности, особенно среди молодежи.

Филиалы этой организации были "обнаружены" чекистами повсюду, в том числе и в католической коммуне на острове Анзер, куда вошел и отец Потаний, вернувшийся из лазарета в декабре 1931 года. К 1932 году коммуна насчитывала уже 32 участника, после вывоза с Анзера епископа Болеслава Слоскана³⁷ старшим стал Ян Тройго³⁸ и Павел Хомич³⁹, особым авторитетом пользовался епископ Теофил Матулянис⁴⁰. Членам коммуны удавалось поддерживать постоянную связь с внешним миром, особенно с епископом Пиетом Неве, передавая через него сведения о своем положении на Соловках для Польского Красного Креста и польского посольства.

³⁵ **Дейнис** Викентий Викентьевич, родился в 1880 в Риге. Окончил духовную семинарию в Петербурге, 1 марта 1903 — рукоположен. Викарий в Двинске, с 1905 — под Минском, с 1908 — в с. Ямбург. В декабре за неповиновение властям выслан в Аглонский монастырь. С 1911 — служил в Юрьеве, в 1923 — в Ямбурге, с 1926 — в Ленинграде. 5 февраля 1928 — арестован, 13 августа приговорен к 7 годам ИТЛ и отправлен в Соловецкий лагерь.

³⁶ Здесь и далее — Новицкий Д. Указ. соч. С. 45.

³⁷ 3 октября 1930 — освобожден и выехал в Могилев.

³⁸ **Тройго** Ян Янович, родился в 1881 в Гродненской губ. Окончил духовную семинарию и в 1908 — духовную академию в Петербурге, в 1906 — рукоположен. Законоучитель средних школ в Могилеве, с 1910 — профессор литургии в семинарии в Петербурге, с 1914 — в курии митрополии, член административного Совета. С 1916 — законоучитель гимназий в Петрограде; с 1918 — в курии. 10 марта 1923 — арестован по групповому делу. 21-26 марта 1923 — приговорен к 3 годам тюрьмы, заключен в Сокольническую тюрьму. В 1925 — вернулся в Ленинград, служил настоятелем. 13 января 1927 — арестован, 18 июля 1927 — приговорен к 5 годам ИТЛ и в июне отправлен в Соловецкий лагерь.

³⁹ **Хомич** Павел Семенович, родился в 1893 в Гродненской губ. 22 октября 1905 — перешел в католичество. Окончил духовную семинарию в Петербурге, учился в академии, в 1916 — рукоположен. Служил в приходах Петрограда и области, с 1920 — в Пскове, с 1923 — в Ленинграде и области. 3 декабря 1926 — арестован, 27 июня 1927 — приговорен к 10 годам ИТЛ и отправлен в Соловецкий лагерь.

⁴⁰ **Матулянис** Теофилис Юрьевич, родился в 1873 в Литве. Окончил духовную семинарию в Петербурге, в 1900 — рукоположен. Викарий прихода Варкляны, с 1901 — в Быхове, с 1907 — в Рыкове, с 1910 — в Петербурге. В марте 1923 — арестован по групповому делу. 21-26 марта 1923 — приговорен к 3 годам тюрьмы; находился в тюрьмах Москвы. В 1926 — вернулся в Ленинград. С 8 декабря 1928 — титулярный епископ на Тамани, 9 февраля 1929 — тайно хиротонисан во епископы. 24 ноября 1929 — арестован по групповому делу, 13 сентября 1930 — приговорен к 10 годам и отправлен в Соловецкий лагерь

Благодаря епископу Неве на Западе стало известно о судьбе соловецких узников: *«Бывший настоятель полоцкого храма Адольф Готтлибович Филлип⁴¹ во время свидания со своей матерью передал ей написанную мокрым химическим карандашом на двух кусках ткани петицию на имя председателя ВЦИК Калинина».*

В воскресенье 7 сентября 1930 мать отца Адольфа принесла этот документ епископу Пию Неве, а тот передал петицию тогдашнему послу Франции, который отправил ее дипломатической почтой епископу Мишелю Д'Эрбиньи, чтобы тот вручил ее Пию XI. Вскоре этот документ был опубликован в английской протестантской газете "Морнинг пост", в нем рассказывалось о невыносимых условиях содержания священников на острове Анзер: *«Нас, ксендзов, почти всех пожилых и инвалидов, заставляют нередко исполнять очень тяжелые работы, как, например, копать ямы под фундаменты построек, вытаскивать большие камни, копать зимой замерзшую землю <...> иногда приходится дежурить по 16 часов в сутки зимой и вне помещений без перерыва <...> После тяжелой работы нам необходим продолжительный отдых, а в помещении для нас на каждого человека иногда приходится меньше 1/16 части кубатуры воздуха, необходимого для жизни человека»⁴².*

Публикация этого письма, возможно, ускорила трагическую развязку на острове Анзер. Летом 1932 года тридцать два члена лагерной коммуны были арестованы. Началось новое следствие по групповому делу *«антисоветской контрреволюционной организации католического и униатского духовенства на острове Анзер».* В "Обвинительном заключении" значилось, что обвиняемые *«использовали возможность совместного проживания, создали крепко спаянную антисоветскую группировку, члены которой систематически вели антисоветскую агитацию среди прочей массы заключенных, занимались тайным совершением богослужений и религиозных обрядов <...> оказывали влияние на других заключенных католиков путем раздачи денежных пособий из сумм, получаемых от своих единомышленников, вели беседы на религиозные темы»⁴³.*

Члены коммуны на следствии держались с большим достоинством, отстаивая свои религиозные убеждения и категорически отрицая все политические обвинения. Приведем ответы некоторых из них на допросах:

«Здесь я стал еще более стойким католиком, и меня ничто не может поколебать» — отец Потапий Емельянов;

«Я готов отдать жизнь за мои католические убеждения» — отец Викентий Дейнис;

«Бог меня отметил тем, что переносу страдания, укрепляя чувства верующих. Ни на какие компромиссы в области религии я не пойду» — отец Павел Хомич;

«Что касается католицизма — моих убеждений не изменю. Таким же твердым, каким был до лагеря и заключения, остался и сейчас. Вражды к советской власти я не питаю, но поддерживать безбожия я никогда не мог и не смогу, не пойду против своей совести» — отец Яков Розенбах».

⁴¹ **Филипп** Адольф Готтлибович, родился в 1885 в Витебской губ. Окончил духовную семинарию, в 1909 — рукоположен. С 1912 — настоятель прихода в Луге, также законоучитель в школе, с апреля 1915 — выехал в Витебск, служил в местном храме. 10 января 1927 — арестован по обвинению в *«антисоветской агитации»*. 20 июня 1927 — приговорен к 10 годам ИТЛ и осенью отправлен в Соловецкий лагерь.

⁴² Копия письма Адольфа Филиппа хранится в личном архиве отца Романа Дзвонковского.

⁴³ Здесь и далее: Следственное дело ксендзов // Архив УНКВД по Архангельской области.

По окончании следствия восемь ксендзов отправили в Ленинградскую тюрьму, двоих — в Ярославский политизолятор, а остальных, среди которых был и отец Потапий, разослали по самым тяжелым командировкам: Савватьево, Кирпичный завод, Заяцкие острова, Большая Муксалма.

При заключении с СССР Пакта о ненападении польское правительство обратилось с просьбой об амнистии польских священников. Подписанный 3 августа 1932 года договор об обмене заключенными распространялся на 40 поляков, среди них — было 17 священнослужителей. 12 сентября 1932 года в Москву для обмена были привезены священники, отправленные в Ленинград, среди них возвращался на родину отец Донат Новицкий и вывезенный с Соловков в 1930 году епископ Болеслав Слоскан, их воспоминания сохранили для нас память об отце Феликсе Любчинском.

В 1935 году органы НКВД провели на Украине и в Белоруссии новые массовые аресты католического духовенства и мирян, которых вновь обвинили в создании *«филиалов фашистской контрреволюционной организации римско-католического и униатского духовенства»*. Все повторилось — и обвинения, и приговоры. Их всех отправили в основном в лагерь Коми АССР и в Сибирь.

6-7 января 1937 года в СССР прошла Всесоюзная перепись населения, и многие чистосердечно назвали себя верующими. В июле 1937 года официальными властями было заявлено, что перепись была проведена врагами-троцкистами, поэтому ее результаты недействительны. А пресса, радио были брошены на борьбу с религией. На новый призыв Папы Римского к молитве о верующих России, провозглашенный 19 марта 1937 года, в Советском Союзе внимания уже не обращали, так как отныне любые действия Ватикана объявлялись способствующими *«угнетателям народа»*.

После завершения следствия по групповым делам последних, оставшихся на свободе священников и мирян, арестованных как *«участников филиалов фашистской контрреволюционной организации римско-католического и униатского духовенства»*, их, как обычно, обвинили и в шпионаже. Все групповые процессы в период 1937-1938 годов закончились расстрелами; то же происходило и в лагерях. На Соловках, например, только в октябре-ноябре 1937 года было расстреляно 32 католических священника.

Священная война власти Советов против Католической Церкви на территории СССР увенчалась успехом. К началу 1939 года в стране осталось только два действующих католических храма — в Москве и Ленинграде... и лишь два священника, да и то иностранца.